

Онтология печали (меланхолии)

Кирилл Александров

18+

Кирилл Александров

Онтология печали (меланхолии)

«Автор»

2023

Александров К.

Онтология печали (меланхолии) / К. Александров — «Автор»,
2023

В данной работе мною будет рассмотрено такое явление, как «печаль» (меланхолия, ибо этот термин куда ближе к «печали», нежели к «тоске», «грусти», «разочарованию», вопреки Фрейдю, который считал, что меланхолия может проявляться, воплощаться в одном из этих чувств, почему именно меланхолия будет сказано позже), со всеми его особенностями.

Содержание

Введение	5
Субъективный опыт	7
Теологическое осмысление печали (меланхолии) в Христианской топике. Божественная печаль	10
Печаль (меланхолия) в легендах и мифах Древней Греции	14
Печаль (меланхолия) в философии. Философская печаль	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Кирилл Александров

Онтология печали (меланхолии)

Введение

В данной работе мною будет рассмотрено такое явление, как «печаль» (меланхолия, ибо этот термин куда ближе к «печали», нежели к «тоске», «грусти», «разочарованию», вопреки Фрейдю, который считал, что меланхолия может проявляться, воплощаться в одном из этих чувств, почему именно меланхолия будет сказано позже), со всеми его особенностями. Было бы глупо опираться лишь на исследования, статьи, трактаты и произведения искусства, не сказав о субъективном опыте переживания чего-то подобного, подчеркну, подобного, ибо нельзя с полной уверенностью говорить о моей «абсолютной печали», в силу нехватки жизненного опыта. Достаточно забавно в сотый раз слышать об опыте переживания печали от очередного «страдальца», коих в современном обществе скопилось несчетное количество. В любом случае, находясь с рупором в руке, было бы опрометчиво в него не крикнуть. Вернемся к субъективному опыту переживания меланхолии. Кто-то может одернуть меня, сказав, что-то в духе: «да сколько можно уже говорить про себя, опираться на субъективные переживания, из каждого угла “Я”, ни толики конструктива». Но, прошу заметить, что любой человек, прежде всего, будь то ученый или философ, художник или поэт, скульптор или писатель, будет, возможно и не опираться, но точно, использовать, сублимировать свои субъективные переживания, описывая картину мира. Что изменится, если я заменю “Я” на “Он” или на “Она”, на «Мы», ничего не произойдет, работа останется той же самой, уменьшится лишь количество нападок в мою сторону, хотя я вообще сомневаюсь, что они будут, ибо не пользуюсь популярностью в каких-либо кругах. Думаю, с формальностями разобрались.

Итак, в своей работе я постараюсь рассмотреть проявления печали (меланхолии) в философии, психоанализе, искусстве, а также, сравнить представления об этом явлении со своим субъективным опытом переживания меланхолии. Данная работа может показаться слишком личной, но, как было оговорено ранее, любая статья, научная работа или произведение искусства – глубоко-личное переживание творца, да и не даром для философа и психолога Карла Ясперса был так важен именно биографический подход к рассмотрению субъекта, дабы понять, что происходит у него в сознании. К тому же, сам Роберт Бертон в своей работе «Анатомия меланхолии» писал: «то, о чем другие только слышали или читали, я испытал и претерпел сам, они почерпнули свои знания из книг, а я – меланхолизирую»[1].

Также, как мне кажется, стоит заранее разграничить понятия «болезнь» и «состояние», ибо в данной работе я буду рассматривать, не что иное, как состояние, ибо депрессия, невроз, психоз, шизофрения и т.д. могут являться следствием возникновения печали, но никак не причиной. Можем опять прибегнуть к фундаментальному труду Бертона «Анатомия меланхолии», где он упоминает таких древних, и не очень, врачей, алхимиков, философов, как: Парацельс, Аретей, Авиценна, Олаус Магнус и т.п., которые приравнивают меланхолию к сумасшествию и слабоумию. Фрагмент из «Анатомии меланхолии»: «Сумасшествие, безумие и меланхолия рассматриваются Цельсом и многими авторами как нечто единое, тогда как другие отделяют от них безумие, а сумасшествие и меланхолию считают одной и той же болезнью, на чем особенно настаивает Язон Пратенций и полагают, что отличаются они только *secundum majus* или *minus* [степенью силы или слабости], то есть лишь тяжестью болезни, одна является лишь степенью другой и обе происходят от одной причины»[1]; впоследствии, автор приводит перечень различных болезней: гидрофобию, слабоумие, бешенство, ликантропию (способность независимо от воли человека превращаться в оборотня), пляску Св. Вита, охарактери-

зовывая их, как виды меланхолии, сумасшествия. Не говоря уже о том, что я категорически не согласен с данной корреляцией между болезнью и состоянием, в данном случае, я просто не уверен, что смогу соревноваться с Бертоном в начитанности и эрудированности, посему спокойно займу позицию рассмотрения печали (меланхолии), как состояния сознания.

Также, можно вспомнить Карин Юханнисон с ее «Историей меланхолии», где она пишет: «...депрессия и меланхолия – не одно и то же... Депрессия лишена многогранности меланхолии и ее экзистенциального характера. Периоды меланхолии бывают у совершенно здорового человека, депрессия предполагает болезнь, страх и потерянность. Меланхолию выставляют напоказ, депрессию скрывают. Превращаясь в депрессию, меланхолия терпит поражение»[2]. По этой причине я считаю, что при анализе меланхолии не стоит брать за основу кинофильм Ларса фон Триера «Меланхолия», ибо там отчетливо демонстрируется образ болезненности, тяжелого состояния депрессии, нежели чуть сдавливающего, но сразу же отпускающего характера меланхолии.

Оглавление:

1. Введение
2. Субъективный опыт
3. Теологическое осмысление печали (меланхолии) в Христианской топике. Божественная печаль
4. Печаль (меланхолия) в легендах и мифах Древней Греции
5. Печаль (меланхолия) в философии. Философская печаль
6. Меланхолия, меланхолия, меланхолия...
7. Печаль (меланхолия) в психоанализе
8. Образ печали в произведении Германа Гессе «Степной волк»
9. Онтологическое обоснование человеческих страданий
10. Печальная современность и меланхоличные симулякры
11. Кинематографическая меланхолия. Печаль в цвете
12. Меланхолия как произведение искусства
13. Итог

Субъективный опыт

В этой части моей работы я буду стараться постепенно вглядываться в свои чувства, впоследствии рассматривая их через призму теологии, психоанализа, мифологии и философии.

Начнем с того, что чувство печали, осознанное чувство печали, у субъекта (в данном случае у меня) не возникает в раннем возрасте, не наступает постепенно, оно внезапно застаёт врасплох, в период ранней юности, в подростковый период, в период бурного гормонального всплеска, полового созревания, генитальной стадии по З. Фрейду. Возможно, накапливается это ощущение месяцами, годами, но активно внедряется в жизнь, и миропонимание в целом, лишь при осознании того, что что-то не так, что-то произошло, стало иначе. Не сказать, что у меня это было связано с определенными комплексами, они имели место быть, но не являлись ключевой причиной возникновения странных, ранее ощущавшихся, но не столь остро, а скорее даже столь блекло, что их невозможно было вычленивать, чувств.

В детском возрасте, когда ребенок не имеет представления о смерти, разлуке, неразделенной любви, стыде, темных, отвратительных сторонах своей души, неказистости своего тела, лица, не способен в полной мере обуздать чувство печали, только, если мы говорим про среднестатистического ребенка, который не подвергался физическому и сексуальному насилию. Он боится собаки во дворе, боится диких птиц и громадных парнокопытных, грустит, когда его ругают, злятся, когда наказывают, жалеет о необдуманном поступке, но все эти эмоции пролетают мимо, они просто не выдерживают веса радости, когда мама обнимает его, приходя с работы, а после со словами – «знаешь, что у меня есть?», вытаскивает из сумки шоколадку. Да, первые эмоции ребенка, когда он покидает утробу матери – страх, отчуждение, он попадает в новую, неизведанную среду, казалось бы, дальше только забвение, уход в небытие, страх смерти, кастрации, но нет, в дальнейшем лишь набор кризисов, но никак не чувство меланхолии. Нужно разграничивать явление «печали», в котором сочетается огромный спектр ощущений и мимолетные, детские эмоции, но зачастую более травмирующие (опять же, травма дает о себе знать в сознательном возрасте).

Пожалуй, начнем с хронологии и описания событий моего детства и юности. В раннем возрасте за мной не наблюдалось каких-либо девиаций, за исключением неопределенной тяги к сексуальному познанию, но в принципе это совершенно нормально, отчасти закономерно, ибо я воспитывался не в консервативной семье, поэтому зачастую наблюдал эротические сцены в кино, не особо понимая значение этих телодвижений. В общем, так-как я нахожусь сейчас не на кушетке Фрейда, меня не вводят в транс, посредством гипноза, я не кричу имя Жана Мартена Шарко, не считаю нужным вдаваться в подробности раннего периода своего существования, мы же тут рассматриваем проявления печали, поэтому стоит пропустить неосознанное детство. Но, хотелось бы отметить, что присутствуют моменты, которые гложут до сих пор, отражаясь на моей, отчасти, «меланхоличной» картине мира. Предлагаю перескочить немного вперед и рассмотреть некоторые поступки рефлексивно, с точки зрения Меня Сегодняшнего и Меня Недавнего, который в какой-то промежуток времени осознал совершенное им. Не описывать их с точностью, а лишь затронув определенное влечение к выборочным ощущениям.

Итак, начнем, пожалуй, с непреодолимой тяги к насилию, которая начала проявляться на стадии отрочества (в возрасте, когда оно было совершаемо мной я далеко не осознавал, что делаю, лишь предвкушая очередной всплеск возбуждения, в том числе сексуального). Подобное влечение в принципе не является чем-то из ряда вон, если мы наблюдаем его у совсем несознательных детей, находясь на стадии отрочества, поступок нельзя назвать совсем неосознанным. После полного понимания определенных действий, связанных с этим деструктивным влечением, Недавний Я, долгое время не мог найти причину, скорее не пытался ее искать, каждый раз принимая решение свести все на то, что Ранний Я просто не был здоров, но болен был

и Недавний Я, но только, тщательно открешиваясь от этого, постоянно надевал маску «нормальности».

Впоследствии, пройдя определенные стадии рефлексии, Недавний Я чувствовал отвращение к себе, непреодолимую тягу вернуться в прошлое, чтобы исправить что-либо, а за спину тихими шажками уже подкралась печаль. Я Сегодняшний могу лишь сказать, что чувство неотвратимости, невозможности что-либо исправить, вызывает лишь несоразмерное с ним, ощущение презрительного, отчасти ненавистнического отношения к себе, да и ко всем окружающим. Чувство, при котором внутри все сжимается настолько, что тебя начинает трясти, ощущение полной беспомощности в данной ситуации сковывает так, что не можешь шевельнуться, но печаль заключается не в этих душераздирающих импульсах, она приходит после, созерцая лишенную воли сущность, неспособную ничего с этим поделать.

Перейдем к такому явлению, как стыд. Это один из ключевых импульсов, которые впоследствии приводят к ощущению печали, наряду со злостью, скорбью, которую З. Фрейд рассматривал вместе с «меланхолией», тоской, замечу, что именно абстрактной тоской, такой характерной для русского индивида, отвращением, ненавистью, скукой и еще несколькими, как сказал бы «здоровый» человек, коих не существует, деструктивными переживаниями. Стыд ощущается по-разному, иногда, размышления о случившемся беспокоят человека две-три ночи, иногда, два-три месяца, бывает и такое, что определенная ситуация не выходит из головы годами. Масса, заполняющая тело, впоследствии ползущая из кишечника к желудку, после направляющаяся из желудка по пищеводу к гортани, становится комом в горле, который, как ни старайся, не проглотить и не выкашлять. Голос в черепной коробке постоянно напоминает о произошедшем, а когда хочется на секунду забыть о совершенном стыдном поступке, придаться грусти, хоть ненадолго, он будто запрещает вам испытывать что-то кроме стыда. В случае, если ситуация для кого-то может показаться забавной, даже истерически смешной, голос превращается в змеиное шипение и воплощается во фразе: «не забывай кто мы есть». Впоследствии же, ничего не остается, кроме как сговориться с этим нашептыванием, начать произносить звуки в унисон с ним. В случае со стыдом, печаль приобретает характер «спасителя», некоей темной силы, которая могла бы проглотить Меня, но по какой-то причине проглатывает «стыд». Ты испытываешь облегчение, когда после долгих блужданий по скалистой местности, либо же по полю крапивы, без обуви, заходишь по пояс в болото, представляя, что находится под ногами, ощущая, как тина постепенно всасывает ноги, обволакивая своей теплотой. Ты не особенно хочешь из него выбираться, более того, это не имеет уже никакого смысла.

Печаль, поглотившая субъект, заставляет его всматриваться в тонкие мистерии своей души. У этого взгляда во внутрь есть огромный потенциал, ибо впоследствии, субъект может начать вживаться в ткань бытия, анализируя внутреннее (Я) через внешнее (наука, культура, религия, философия). Таков путь для человека, ощущающего заброшенность (Sein s-verlassenheit), путь Сильной Dasein-терапии. Пытаясь всматриваться вглубь темноты, я совсем забыл про взгляд во вне, проводя свободное время в метафорических объятиях таких же нездоровых особ, как и я. Так мы плавно переходим к еще одной из составляющих печали (меланхолии) – «любовь», а скорее ее подобие, ибо после становления меланхолии, любовь размывается, не говоря уже о том, что может окончательно исчезнуть.

Хотелось бы заранее оговорить то, что я не использую на этом этапе данного исследования каких-либо дотошных определений из философии, психологии, религии, раз уж эта часть – одно, цельное, глубоко-личностное переживание, будьте добры, перетерпите этот бесцельный, как вы считаете, монолог, ибо в дальнейшем я постараюсь рассмотреть вышесказанное под призмой культуры и науки.

Вернемся к такому феномену, как «любовь». Я не скажу, что испытывал ее должным образом, скорее это было влечение, а если быть точным, желание обладать кем-то, деструктивное вожеление какой-либо очередной особы, которые впоследствии приобрели характер,

не более чем, сексуального объекта. Мысль, которая раз за разом накаливала интерес к женскому полу заключалась, лишь в полной неспособности принять свое “Я”, дабы это “Я” принял кто-то другой. Я ощущал себя нецелостным, оторванным, и казалось, что примирить, склеить расколотый субъект Жака Лакана может только абстрактная “Она”. Не вижу особого смысла описывать этот период, хотя он сыграл немалую роль в становлении моей печали.

Большой интерес заслуживают «меланхолические ритуалы», например, блуждание по мрачным улицам под тоскливую мелодию и созерцание серых, неуловимых, гнетущих пейзажей. Или же постоянное нахождение рука об руку с музыкой, лекциями, в общем, «бубнежом на фоне», дабы не оставаться наедине со своими мыслями. Впоследствии одним из ключевых ритуалов стало – курение, этот акт будоражил, заставлял постоянно отклоняться от реальности, чтобы уйти в мир абстракций, в тот мир, где печаль становится образом ласковой, старшей еврейской сестры, утешающей тебя где-то в погребке под звуки нацистских бомбардировок и ее еле слышимого плача. Этот ритуал позволял мне войти в контакт с моей меланхолией, стать с ней единым, а приходящие образы, в конечном итоге, обрели свое место в стихах, не даром говорят, что поэзия – вторая медицина, которая лечит душу. Роберт Бертон, к слову, считал, что «все поэты – безумцы»[1], отчасти так и есть.

Хотелось бы сказать несколько слов о чувстве утраты, но было бы опрометчиво его так называть, скорее чувство отсутствия, а еще ближе «неналичия». В дальнейшем данный взгляд будет трактоваться и разбираться более детально. В общем, подобное ощущение связано с неналичием какого-либо навыка, знания, чего-то неосязаемого, ближе всего подходит слово «зависть». После прослушивания очередной лекции или общения с более образованным человеком, над головой зависали мысли о том, что, во-первых, я этого не достигнул, из-за чего не достигнул, и не достигну вовсе, а во-вторых, почему это есть у кого-то другого. Достаточно детская мысль, абсолютно глупая, но в этом ее прелесть и специфика, ибо она настолько банальна, но при этом настолько влиятельна.

Подытожим сказанное мной, вычленив центральные тезисы:

Печаль (меланхолия) возникает при отсутствии (неналичии). Более того, то, что отсутствует навсегда утеряно, его невозможно вернуть;

Чувство любви является одной из самых значимых характеристик, свойств печали (меланхолии);

Двигатель печали (меланхолии) – зависть и желание отобрать, обладать;

Стыд – составляющая часть чувства отсутствия, т.к. это та самая неприязнь к себе из-за неналичия, но желания обладать;

Печаль (меланхолия) – не болезнь, но вполне себе может к ней привести;

Каждый субъект, «обладающий» печалью, пытается наладить с ней контакт с помощью различных ритуалов.

Сколько бы люди не очерняли такое явление, как «печаль» (меланхолия), оно в любом случае, остается важнейшим в понимании человеческой сущности, ни одна другая эмоция не заменит, более того, не сместит печаль. Меланхолия всегда начинается с ощущения любви, а заканчивается полным его отсутствием, оставляя после себя лишь небольшой туман и ранее приятный, томный, обволакивающий женский шепот.

Теологическое осмысление печали (меланхолии) в Христианской топике. Божественная печаль

В данной части исследования хотелось бы осветить религиозный взгляд на такое явление, как «печаль». Определенно с точки зрения Христианства, ибо это религиозное учение является, можно сказать, родоначальником Западной цивилизации, а мы все-таки находимся именно в Западном культурном дискурсе.

Начнем, пожалуй, с того, что одним из семи смертных грехов является – уныние (леность), но леность, безусловно, напрямую связанная с печалью (в философии Шопенгауэра, конечно не леность, но скука и безделье играют ключевую роль), но она ей не является. А вот в восьми основных греховных страстях, одной из страстей является – печаль. Так чем же отличается уныние от печали? Если мы принимаем за уныние – леность, то эти два понятия будут сильно разниться, но существуют две трактовки этого термина. По Преподобному Иоанну Лествичнику: «Уныние есть расслабление души и изнеможение ума, клеветник на Бога – будто Он немилосерден и нечеловеколюбив». Святитель Иоанн Златоуст же говорил: «Уныние есть тяжкое мучение души, неизреченная мука и наказание более горькое, чем всякое наказание и мучение»[3]. Святитель Феофан Затворник пишет, что уныние есть скучание за всяким делом, как житейским, бытовым, так и молитвенным, желание бросить делание: «Пропадает охота и в церкви стоять, и дома Богу молиться, и читать, и обычные добрые дела исправлять»[4]. Преподобный Амвросий считал, что: «Уныние значит ту же лень, только хуже. От уныния и телом ослабеешь, и духом. Не хочется ни работать, ни молиться; в церковь ходишь с небрежением; и весь человек ослабевает»[5].

То есть уныние мы можем трактовать, как что-то схожее с печалью, «тяжкое мучение души», либо же, как леность, «Уныние значит ту же лень, только хуже». Но что есть печаль в восьми основных греховных страстях? Протоиерей Сергей Дергалев в своей работе «Введение в православную этику» пишет: «Печали два вида: первый посещает по прекращении гнева или причиняется нанесенными убытками и потерями, и неисполнением желаний; второй происходит от опасений и страхов за свою участь, или от неразумных забот»[6]. Протоиерей Сергей рассуждал и про уныние: «Уныния два вида: один ввергает в сон, а другой гонит из келий»[6]. С унынием тут все достаточно просто, ибо первый вид уныния – лень, а второй, что «гонит из келий», то бишь, можно предположить, из дома, возможно святого дома, ибо келья – жилище монаха, хотя святой дом – это церковь. Келья еще является символом уединения, то есть фраза – «гонит из келий», трактуется, как лишение уединения, покоя, беспокойство внутреннего мира монаха.

Первый вид печали же следовало бы затронуть чуть позже, а второй требует детального разбора. Для начала нам нужно понять, что такое «неразумные заботы». Видимо, «неразумные заботы» – это та деятельность, либо же мысли, думы, которые мешают служению Богу. Апостол Ерм писал: «...Имеющие многие заботы согрешают во многом, потому что развлечены своими делами и не служат Богу»[7]. Священномученик Петр Дамаскин же считал: «...Житейские заботы не допускают заботиться о душе своей и познать, в каком он (человек) находится устройении, как-то знает... внимающий себе...»[8]. То есть, печаль – это то, что мешает человеку стремиться к познанию устройства человеческой души, полностью посвятить себя вере, Господу. По сути, любой из смертных грехов, либо же из восьми основных греховных страстей, выполняет ту же самую функцию, а именно – мешает познать душу и прийти к Богу. Но чем же фундаментально отличается уныние, как «тяжкое мучение души» и печаль, как что-то, что «посещает по прекращении гнева или причиняется нанесенными убытками и потерями, и неисполнением желаний»[6].

Давайте обратимся к Священнику Иоанну Павлову, автору статьи «В начале было слово. Сто избранных заповедей», он пишет: «Можно сказать, что печаль и уныние – это две стадии одной и той же болезни. Первая стадия – печаль. Если печаль не будет вовремя уврачевана, то она переходит в хроническую стадию и становится унынием»[9]. С этим высказыванием стоит не согласиться, ибо «печаль», как явление возникает после уныния, как пост-потеря определенных ощущений, уныние же – пред-печаль, ибо является скорее разочарованием, некоей неприятностью (безусловно, если рассматривать уныние, как смертный грех или греховную страсть, просто неприятностью его не назвать). Кроме того, определяющим фактором уныния является – скука, «расслабление души», безделье. Сутью печали же служит некая фантомная боль, но столь ласковая и приятная, сравнима с ощущением, когда водишь языком по обкусанным губам или, когда закатываешь глаза вверх при головной боли.

Печаль манит тебя, печаль – суть тебя, уныние же, будто что-то извне, будто что-то, что человек хотел бы отвергнуть будь у него возможность. Уныние – твое пребывание в пустоте, которую окружают лишь обескровленные сосуды, печаль же – наличие пустоты в собственной душе, но, которая куда полнее, нежели преследующие тебя вместилища с полным отсутствием содержания, а скорее содержащие ничто. Приведу цитату Фомы Аквинского «Сумма теологий. Том VII. Вопрос 20. Об отчаянии»: «С другой стороны, то, что человек считает невозможным обрести трудное благо своими силами или посредством кого-то другого, является следствием пребывания его в унынии – ведь когда это настроение подавляет все его склонности, ему кажется, что он никогда не будет способен достигнуть какого бы то ни было блага. И коль скоро лень – это уныние, которое подавляет дух, то в указанном отношении отчаяние порождается ленью»[10]. То бишь лень – уныние, что порождает отчаяние, но что же тогда является печалью? Фома Аквинский пишет: «Однако коль скоро объектом надежды является благо, стремление к которому для желания естественно, а избегание – неестественно и может возникнуть только по причине некоторого дополнительного препятствия, то из этого следует, что утешение порождает надежда, в то время как отчаяние, напротив, само порождается печалью»[10]. Вот, что еще философ говорит про отчаяние: «Однако если сравнивать отчаяние с двумя другими грехами со стороны нас самих, то наиболее опасным [для нас] окажется отчаяние, поскольку надежда удаляет нас от зла и побуждает стремиться к благу, и потому люди, лишившись надежды, оставляют добрые дела и с головой погружаются в грех. Поэтому глосса на слова [Писания]: “Если ты утратил надежду, оказавшись в день бедствия слабым, то бедна сила твоя” (Прит. 24, 10), говорит: “Нет ничего ненавистнее отчаяния, поскольку отчаявшийся утрачивает постоянство как в снесении каждодневных тягот нынешней жизни, так и – что наиболее печально – в сражении за веру”. И Исидор говорит: “Совершить преступление означает убить душу, а отчаяться означает низринуться в ад”»[10]. Мы можем убедиться в наличии дихотомии между печалью и отчаянием, различие заключается в степени опасности, более того, отчаяние следует из печали, которая выступает в роли некоей границы между ощущениями. Вспомним слова Блаженного Аврелия Августина из труда «О граде Божьем»: «Да и когда Господь, спрашивая Петра, выразился так: “Любишь ли ты Меня (*diligis me* – расположен ли ко Мне) больше, нежели они?”, Петр отвечал: “Так, Господи! Ты знаешь, что я люблю Тебя” (*amo te*). Снова спрашивал Господь не о том, любит ли Его, а о том, расположен ли к Нему Петр; и снова Петр отвечал: “Так, Господи! Ты знаешь, что я люблю Тебя”. Спрашивая в третий раз, Господь и Сам не сказал: “Расположен ли ты ко Мне”, а сказал: “Любишь ли ты Меня” (*amas me*)? Тогда, как замечает евангелист, “Петр опечалился, что в третий раз спросил его: “любишь ли Меня?”, хотя Господь не в третий (раз повторил), а только впервые спросил: “Любишь ли Меня?”; два же (предыдущие) раза говорил: “Расположен ли ты ко Мне?” Отсюда мы заключаем, что и в то время, когда Господь говорил: “Расположен ли ты ко Мне”, Он говорил не что иное, как: “Любишь ли Меня?”. Петр же продолжал называть одну и ту же вещь тем же именем, и в третий раз сказал так же: “Ты знаешь, что я люблю Тебя”»[11]. Из этих слов мы

можем вычлени́ть одну главную мысль, а именно, печаль непосредственно связана с любовью, в данном случае не просто с мирским влечением, а с Божественной Светлой Любовью.

Также, Святой Августин писал: «Слезы, следовательно, и печали любезны? Каждый человек, конечно, хочет радоваться. Страдать никому не хочется, но хочется быть сострадательным, а так как нельзя сострадать, не печалясь, то не это ли и есть единственная причина, почему печаль любезна? Сострадание вытекает из источника дружбы. Но куда он идет? Куда течет? Зачем впадает он в поток кипящей смолы, в свирепый водоворот черных страстей, где сам, по собственному выбору, меняется, утрачивает свою небесную ясность, забывает о ней. Итак, прочь сострадание? Ни в коем случае! да будут печали иногда любезны. Берегись, однако, скверны, душа моя, ты, находящаяся под покровом Бога отцов наших, достохвального и превозносимого во все века; берегись скверны. И теперь я доступен состраданию, но тогда, в театре, я радовался вместе с влюбленными, когда они наслаждались в позоре, хотя всё это было только вымыслом и театральной игрой. Когда же они теряли друг друга, я огорчился вместе с ними, как бы сострадая им, и в обоих случаях наслаждался, однако. Теперь я больше жалею человека, радующегося на позор себе, чем того, кто вообразил, что жестоко страдает, лишившись губительного наслаждения и утратив жалкое счастье. Это, конечно, настоящее сострадание, но при нем печаль не доставляет удовольствия. Хотя человека, опечаленного чужим несчастьем, одобряют за эту службу любви, но, по-настоящему милосердный, он предпочел бы не иметь причины для своей печали. Если существует зложелательная благожелательность – что невозможно, – тогда и человек, исполненный искреннего и настоящего сострадания, мог бы пожелать, чтобы были страдальцы, которым бы он сострадал. Бывает, следовательно, скорбь, заслуживающая одобрения; нет ни одной заслуживающей любви. Господи Боже, любящий души, Твое сострадание неизмеримо чище нашего и неизменнее именно потому, что никакая печаль не может уязвить Тебя. “А кто способен к этому”?

4. Но я тогда, несчастный, любил печалиться и искал поводов для печали: игра актера, изображавшего на подмостках чужое, вымышленное горе, больше мне нравилась и сильнее меня захватывала, если вызывала слезы. Что же удивительного, если я, несчастная овца, отбившаяся от Твоего стада, не терпевшая охраны Твоей, опаршивел мерзкой паршой? Потому-то и была мила мне печаль, – не та, которая проникает до глубины души: мне ведь не нравилось терпеть то, на что я любил смотреть – рассказ о вымышленных страданиях как бы скреб мою кожу, и как от расчесывания ногтями, начиналось воспаление и отвратительная гнойная опухоль. Такова была жизнь моя, Господи: жизнью ли была она?»[12]. Здесь мы находим лишь подтверждение того, что любовь является неотъемлемой частью печали, но есть разделение между печалью мирской, и печалью Господней.

Давайте вернемся к высказыванию Сергея Дергалева об одном из видов печали, а именно, что она: «посещает по прекращении гнева или причиняется нанесенными убытками и потерями, и неисполнением желаний»[6]. Опять же, поднимается тема неналичия, отсутствия чего-либо, при этом, как мы выяснили из вышестоящих апокрифический фрагментов и трудов теологов, философов, печаль – это что-то внутреннее, а обоснована она неналичием какого-то духовного свойства, при этом в печали должна присутствовать любовь, так-как любовь является частью сострадания.

Давайте вспомним сравнение уныния и печали, мы выяснили, что печаль определяется полнотой внутри и отсутствием снаружи, уныние же наоборот. Можно сделать вывод, что печаль – это отсутствие любви вовне и присутствие ее внутри, но любовь здесь представляет собой очень плотное газообразное вещество, которое определенно имеет огромное количество свойств, но человек может лишь чувственно его диагностировать, на уровне ощущений. Из-за этого и создается некий диссонанс, ибо любовь однозначно не пребывает снаружи, но, если всмотреться вглубь, то мы чувственно поймем, что любовь присутствует в нас во всей ее полноте, но отделаться от факта ее неналичия невозможно.

Далее стоит перейти к тому, что же может из себя представлять любовь, раз она точно присутствует внутри, создавая при этом чувство потери. Самое логичное, к чему мы можем прийти, так это к понятию «души», ибо это буквально та самая любовь. Душа – это то, что неустанно носится внутри человека, подобно ветру, мы не можем его увидеть, но на определенном, тонком, чувственном уровне человек понимает, что хоть ветер, как феномен, и не диагностируемый, он все еще вырывает с корнем деревья, сносит крыши домов и закручивает иссохшие листья, превращая их в своенравный рыжевато-красный смерч. Отсюда следует, что частью печали, несомненно, является – душа. Именно поэтому отношение к печали в Христианстве достаточно двойственное, ибо печаль может стать губительной для любви (души), замкнувшись в непоколебимом отчаянии, приняв тот факт, что Бог внутри человека перестал присутствовать, в то же время, печаль – животворящее для любви (души), человек проникает в суть мистерий, ощущая, как любовь пронизывает его от стоп до кончиков пальцев, но не до конца заполняя его сердце «субстанциональной» любовью.

Каждому ли человеку свойственна печаль? Конечно нет, как бы это парадоксально, цинично не звучало, но действительно, печаль свойственна только тем, кто стремится открыть ее для себя, проникнуть в кулуары этой самой печали, а она не откроется обычному обывателю, максимум, обнажит колено. Мы конечно же рассмотрим печаль XXI века, ибо это действительно интересное явление. Меланхоличное состояние заполонило массовую культуру, стало неким трендом современности, частью культурного кода, но раз печаль несвойственна каждому, кого мы именуем понятием *das Man*, откуда тогда в нашей современной культуре так много «опечалившихся» индивидов? В дальнейшем мы рассмотрим это явление, а пока остается только гадать, является ли происходящее определенной болезнью нашего времени, либо это просто множество заблудших субстанций, которые не могут найти путь, к постоянно скрывающейся от них душе.

Печаль (меланхолия) в легендах и мифах Древней Греции

Невозможно понять современные людские тенденции, что вечно рвутся обуздать чувство печали, без осмысления подобных ощущений в греческих мифах и легендах, ибо представление об этом явлении качественно разнится с философским, либо же, христианским толкованием.

Начнем с того, что в греческой мифологии есть две богини, которые, в теории, могут олицетворять печаль, а именно – Ата и Ахлис. Ата, если следовать «Реальному словарю классических древностей» Фридриха Любкера, – богиня, олицетворявшая собой ослепление, ведущее к греху и через то к гибели. У Гомера она называется благородной дочерью Зевса. Это была губительная, быстроногая богиня,двигающаяся скорыми, не прикасающимися к земле шагами над головами людей. Даже Зевс подвергся ее действию и однажды под влиянием ее произнес необдуманное слово относительно предстоявшего рождения Геракла, вследствие чего Еврисфей получил предназначавшуюся Гераклу власть в Аргосе. Разгневанный этим Зевс схватил Ату за ноги и сбросил с Олимпа; тогда она стала вредить людям. медленно идут по ее следам и стараются исправить то, что она повредила. У трагиков Ата судья и мстительница за дурные дела, подобная Немесиде и Эриниям. Гесиод называет ее дочерью Эриды [13]. Ахлис же представляется одной из самых таинственных богинь греческой мифологии, ибо может являться, и богиней страдания, и богиней смертельных ядов. У Гесиода в «Щите Геракла»:

«Рядом с ними и Тьма [Ахлис] стояла, грозна и ужасна,
Грязью покрыта, бледна и долу согбенная гладом,
Пухлоколенна, персты изострялись в огромные когти,
Слизи текли у нее из ноздрей, со щек изливалась
Кровь на землю. Она ж, оскалившись неумолимо,
Там стояла, и прах обволакивал плечи обильно,
Влажен слезами»[14]

Также, Нонн Панополитанский в поэме «Деяния Диониса» писал:
«Ночи цветков фессалийских лугов злоковарный, волшебный,
Сон она насылает на зачарованных стражей,
Морок она чудодейный над кудрями их распускает,
И, чело помазав зельем из корней зловредных,
Преображает облик в иной, уж не человеческий!»[15]

Начнем с того, что Ахлис с древнегреческого можно перевести, как: мгла, мрак, тьма, туманность. Если искать что-то общее в этих понятиях, то это, прежде всего, неизвестность, какая-то неумолимая тайна, скрывающаяся за толщей плотных облаков. Если сравнивать Ату и Ахлис, можно найти несколько общих черт, например, обе эти богини вводят в заблуждение, ибо Ата олицетворяет ослепление, а Ахлис является воплощением тумана, мглы, мрака. Также, обе богини приводят к бедствиям, символизируют гибель, Ахлис, как уже было оговорено, предположительно, является богиней смертельных ядов.

Фрагмент из «Илиады» Гомера:
«Храбрый, могучий Пелагон, друг, им отлично любимый:
Дух Сарпедона оставил, и очи покрылись мглою [Ахлис].
Скоро опять он вздохнул, и кругом его ветер прохладный
Вновь оживил, повевая, тяжелое персей дыханье»[16]

Можно сделать вывод, что Ахлис, безусловно является богиней, но чаще всего «Ἀχλύς» – исключительно существительное, не персонифицированное, и в данном случае, мгла, которой покрылись очи Сарпедона, не является божеством.

Еще одним камнем преткновения становится то, что в мифах и легендах Гомера, Гесиода, Нонна Панополитанского, нет точного ответа, кто же все-таки олицетворяет собой печаль, именно печаль, не бедствия, не мор, не смерть, а печаль. Из «Теогонии» Гесиода мы узнаем, что:

«Ночь родила еще Мора ужасного с черною Керой.
Смерть родила она также, и Сон, и толпу Сновидений.
[Мрачная Ночь, ни к кому из богов не всходивши на ложе,]
Мома потом родила и Печаль, источник страданий...»[17]

То есть Ночь (Нюкта) родила Печаль, следовательно, она является отдельным феноменом (ибо трактуется, как себя-в-самом-себе-обнаруживающее, не проявляющееся через что-то), не обожествлённым, не персонифицированным. Также, нет определенной «богини Печали», ибо Ата и Ахлис являются некими «подобиями» такой богини. Если рассмотреть одну из них, как более точное подобие богини печали, то следовало бы остановиться на Ахлис, ибо из описания Гесиода, она как никогда близка к болезненной печали, но от этого не менее притягательной.

Следует перейти к самому ощущению печали у греческих героев и богов. Начать следует с мифа о Деметре и Персефоне (Гомеровы гимны V. К Деметре), вкратце: Зевс, отец Персефоны, богини плодородия, отдал ее в жены Аиду, правителю царства мертвых. Деметру, мать Персефоны, богиню плодородия и покровительницу земледелия, окутала скорбь и печаль, ибо потеряла она дочь свою. Впоследствии, мать, облачившись в темные одежды спустилась с Олимпа. Все растения начали увядать, холод спустился на землю. Далее, из-за того, что мор поглотил все посева, леса и луга, перестали куриться на земле жертвы бессмертным богам, люди начали умирать. Зевс не хотел смерти людскому роду, поэтому он решил, что две трети года Персефона будет жить с Деметрой, а одну треть с Аидом. С тех пор, каждый раз, когда дочь покидает мать, она облачается в темные одежды и спускается в мир людей, а трава вновь блекнет, деревья становятся обнаженными, пустеют луга, осень восходит над людским челами [18].

Мы уже можем наблюдать главное отличие греческого язычества от христианства, а именно, в этом мифе не порицается печаль, она является нормальным явлением, даже в богине может воспрять меланхолия. Хотелось бы отметить один интересный момент, перескакивая с ветки на ветку по генеалогическому древу греческих богов, мы обнаруживаем, что дочь Персефоны – Мелиноя, хтоническая, лунная богиня, насылавшая безумие, вполне может являться той самой богиней меланхолии, богиней печали. Следует обратиться к «Орфическому гимну Мелиноэ» (вольный перевод с древнегреческого):

«Я Мелиною зову, облаченную в пеплос шафранный,
Нимфу подземного царства – ее от священного ложа
Зевса на свет родила Персефона у глубей Кокита, -
Ту, что с Плутоном обманном путем сошлась, расколовшись
Надвое кожей двутелой, – то замысел был Персефоны.
Ты, Мелиноя, как призрак туманный, морочишь и манишь
Смертных, являясь их взорам в бесчисленном множестве видов.
То ты вполне различима, а то затемняешься мраком,
То возникаешь с одной стороны, то с другой, среди ночи.
Ныне молю, о богиня, царица подземного царства,
Жала страстей от души отгони за пределы земные,
Мистам же лик свой священный яви благосклонно и кротко!»[19]

Из этого гимна мы можем понять, что Мелиноя – дочь Персефоны и Зевса, который, перевоплотившись в Аида, обманном путем, зачал лунную, хтоническую богиню. Но, стоит куда более детально разобрать данный отрывок. «Облаченная в пеплос шафранный»; (κροκόπεπλος) – являющаяся лунной богиней в гимнах, ибо, как «крокопеплос» описыва-

ются только две богини, Геката и Мелиноя. «Нимфа подземного царства»; судя по всему, сама Мелиноя. «у глубей Кокита» – подле подземной реки плача Кокит (Коцит). «Ты, что с Плутоном обманном путем сошлась, расколовшись надвое кожей двутелой, – то замысел был Персефоны»; Плутон и есть Аид, но что значит «расколовшись надвое кожей двутелой, – то замысел был Персефоны», можно лишь предполагать, что Мелиноя представляет собой некую двойственность, полярность, в ней соединяются две противоположности (трактовка Томаса Тейлора, который породил концепцию двойственности Мелиноэ, как синтез Зевса и Аида, Олимпа и Ида, Света и Мрака), мы еще вернемся к этой концепции в дальнейшем. «Ты, Мелиноя, как призрак туманный, морочишь и манишь»; обман и влечение в данном случае соединяются в богине (нимфе). «То ты вполне различима, а то затемняешься мраком, то возникаешь с одной стороны, то с другой, среди ночи»; лишь подтверждение биполярности Мелиноэ. «Ныне молю, о богиня, царица подземного царства, жала страстей от души отгони за пределы земные, мистам же лик свой священный яви благосклонно и кротко!»; этот фрагмент обращен, либо к Персефоне «царица подземного царства», либо к Мелиноэ, ибо в начале автор данного Орфического гимна обращается, непосредственно, к ней, мисты же В Древней Греции – люди, посвященные в какое-либо мистическое таинство, род младших жрецов.

Перейдем к центральной теме данного отрывка, а именно, двойственность Мелиноэ. Данная богиня, возможно нимфа, представляет собой одновременно, и тьму, и свет, в этом плане она разнится с однозначным мраком в воплощении Ахлис, либо же с символом бедствий – богиней Атой. Мелиноя представляет собой синтез двух противоположностей, что наталкивает на ее сходство с печалью, ибо печаль – любовь и ненависть, туман и ясность, луна и солнце, затемнение и проблеск. Дочь Персефоны, в которой сосуществуют две абсолютные противоположности, которая влечет своей сладкой ложью, которая была зачата живущим на небе Зевсом и обитающим в преисподней, куда не может пробиться луч света, Аидом. Мелиноя – олицетворение меланхолии не только из-за двойственности, вспомним миф о Деметре и Персефоне. В данном случае, Деметра – отчаяние, непреодолимое, неотступное, бесповоротное, вызванное утратой чего-то вовне, а впоследствии принятие данности, что потерянное уже не вернуть, более того, отсутствие веры и надежды. Персефона же является унынием, ибо тоже находится в заложниках внешних факторов, только в данном случае, скорее смиряется с ними, нежели впадает в состояние абсолютной потери. А между ними стоит Мелиноя, которая из-за своей двойственности мечется, не занимая определенной позиции.

Также, мы знаем, что Мелиноя приносит ночные кошмары и безумие, меланхолию же считают проклятием Богов. Сумасшествие, потеря рассудка – мор, который может перевернуть весь Олимп и поглотить разум каждого из божеств, только безумие способно это сделать, ибо оно расщепляет субъект, бессмертные боги, подвергнувшись данному явлению превратятся в иррациональных всемогущих существ, что, можно с полной уверенностью сказать, приведет к достаточно плачевным последствиям. Разумно возразить, сказав, что греческие боги и так безумны, жестоки и иррациональны, вспомнив, как Аполлон сдирает кожу с Марсия, Зевс, испытывая сильные головные боли, просит Гефеста расколоть ему череп, так появляется богиня Афина-Паллада, Кронос проглатывает своих детей. Но, позвольте, у этих действий есть своя причина, они вполне себе обоснованы, отсутствие рассудка – беспричинно, поэтому и убийственно.

Можно с уверенностью сказать, что Мелиноя – олицетворение печали (меланхолии), но Печаль, Тоска, Радость, Грусть существуют автономно в греческой мифологии, как некие абсолюты, эйдосы Платона, а вот боги являются их персонификацией, оболочкой. Такой оболочкой и стала Мелиноэ, появившись пред нами наполовину мрачной, наполовину светлой, соединив в себе любовь и ненависть, мрак и сияние, тепло и холод, прощение и месть, рождение и умерщвление, сперму и кровь, став единым, целокупным, неотделимым божеством, которое и является истинным ликом печали.

Печаль (меланхолия) в философии. Философская печаль

Хотелось бы начать следующий раздел данной работы, а именно, осмысление печали в философии, с античности, с греческой мысли, ибо, вспоминая диалоги Платона, трактаты Аристотеля, высказывания таких философов, как Парменид, Гераклит, Пифагор, мы с уверенностью можем сказать, что они предвосхитили весь последующий философский дискурс, и было бы странно начинать осмысление такой фундаментальной темы, как печаль с точки зрения немецкой классической философии, экзистенциализма, постмодерна и т.п. Именно поэтому взгляд на предмет данного исследования следует искать в диалогах Платона, утешениях Плутарха и Псевдо-Плутарха, трактатах Марка Туллия Цицерона и т.д., впоследствии, безусловно, мы дойдем и до Кьеркегора с Шопенгауэром.

Начиная с Гиппократа, меланхолия отождествляется с чем-то мрачным, «темным», определенно досаждающим человеку, не даром сам древнегреческий целитель называет меланхолию «черной желчью». Цицерон в своем трактате «Тускуланские беседы, книга III. Об утешении и горе», говорит: «Философы называют болезнями все волнения души без исключения, ни один глупец не свободен от них; но кто подвержен болезни, тот болен, и это относится ко всем, кто не мудрец, – все они душевнобольные]. Здоровье души, говорят они, – в покое и постоянстве; в ком этого нет, тех называют душевнобольными, полагая, что смута в душе, как и смута в теле, здоровьем быть не может»[20]. Печаль приобретает характер заболевания, некоей негативной страсти, можно вспомнить данное явление в христианском дискурсе. Но, одним из главных отличий является то, что в философии, меланхоличное состояние не осуждается, на него лишь указывают, как на что-то нездоровое, вскоре приводящее к непомерным страданиям. Получается, что печаль, как и тоска, уныние, отчаяние, грусть – отнюдь не «плодоносные», не приносящие благ, явления, которые нужно скорее искоренять в человеке, дабы они не переросли в безумие, коим так пугает Цицерон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.